

УДК 31**Диспозиция формирования политических условий социального развития****Забайкин Юрий Васильевич**

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры производственного и финансового менеджмента,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Габбасов Фанис Васильевич

Специалист-эксперт,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: gabbasov76@mail.ru

Пашкун Анатолий Николаевич

Специалист-эксперт,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: Pashkun@mail.ru

Аннотация

Международное право, касающееся беженцев, имеет целью задачи обеспечения гуманного обращения с группами людей, которые являются наиболее уязвимыми. Именно поэтому оно достаточно тесно связано с международным правом в области прав человека, задачей которого является сохранение достоинства и благополучия каждого человека. В международном праве неуклонно возрастает удельный вес норм, ориентированных на человека. Основу этих норм составляет принцип уважения прав человека и основных свобод, предполагающий их всеобщее значение :

- распространение прав и основных свобод всех людей без какой-либо дискриминации;
- вовлечение всех государств в соответствующие действия по обеспечению этих прав;
- обеспечение основных прав и свобод как в нормальных жизненных ситуациях, так и в условиях чрезвычайного положения либо во время вооруженных конфликтов.

Международное право защиты прав человека и основных свобод (или международное право прав человека и международное гуманитарное право являются различными отраслями современного международного права.

Понятие «беженцы» впервые появился в международном праве во время Второй мировой войны. Послевоенные вооруженные конфликты и другие чрезвычайные ситуации, обусловили и обуславливают массовое перемещение лиц из регионов постоянного проживания в другие, вызывают необходимость специального международно-правового регулирования статуса беженцев, перемещенных лиц и вынужденных переселенцев.

Для цитирования в научных исследованиях

Забайкин Ю.В., Габбасов Ф.В., Пашкун А.Н. Диспозиция формирования политических условий социального развития // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 4В. С. 174-184.

Ключевые слова

Вооруженные конфликты, права человека, статус, гуманитарное право.

Введение

Заметим, что в доктрине международного права существуют различные взгляды по вопросу о единстве или специфики международно-правовых актов, которые касаются прав человека [Weaver, 2016]. Во-первых, в этой сфере применяется различная терминология: «международное право прав человека» (Vindbjerg, E., Carlsson, J., Mortensen, E. L., Elklit, A., & Makransky, G.) , «международное право защиты прав человека и основных свобод» (Jaworsky, B. N.) , «международные права человека» (Arnold-Fernandez, E.) , «защита прав человека» (Ammar, W., Radi, A., & El-Jardali, F.) , «международная защита прав человека» (Tan, T. M., Spiegel, P., Haskew, C., & Greenough, P. G.) , «права народов» (Африканская хартия прав человека и народов), «международное гуманитарное право» (Seeberg, M. L.) , «гуманитарное право вооруженных конфликтов» (Reim, N.) . Во-вторых, специалисты предлагают различные конструкции соотношения таких прав. Некоторые ученые считают международное право защиты прав человека и основных свобод институтом международного гуманитарного права (Groen, S. P. N., Richters, A., Laban, C. J., & Devillé, W. L. J. M) . Согласно другой позиции, оно является одной из главных отраслей современного международного права (Cummings, L. B.).

Основная часть

Wilhelm-Solomon, M. по этому поводу отмечает, что в широком, отраслевом смысле под термином «международная защита прав человека и основных свобод» чаще всего понимают «систему международно-правовых норм, принципов и стандартов, закрепленных в международных договорах универсального, регионального и локального характера, которые определяют права и свободы человека, обязательства государств и международных организаций относительно их соблюдения, а также международные механизмы обеспечения и контроля за соблюдением субъектами международного права обязательств в этой отрасли права и восстановления нарушенных прав конкретных лиц или групп населения» [Kivilcim, 2016].

Обращает на это внимание профессор Kivilcim, Z., который подчеркивает: «Международное право прав человека является отраслью международного права, принципы которого регулируют сотрудничество государств в обеспечении прав человека. <...> Международное гуманитарное право – это отрасль международного права, принципы и нормы которой в целях ограничения

бедствий войны определяют недопустимые методы и средства ведения военных действий и защищают жертв войны».

Hassouri, P. считает «международное право беженцев» отраслью международного публичного права. Lülfi, C. утверждает, что международное гуманитарное право является «важнейшим разделом международного права, который пронизан духом гуманности и направляется на защиту лица в военное время» [Hassouri, 2017].

Memela, S., & Maharaj, B. замечают, что нехватка защиты по международному праву защиты беженцев дополняется гарантиями, которые предоставляются международным правом прав человека. BenDavid-Nadar, I. считает, что международные договоры по защите беженцев следует рассматривать в составе одной из категорий конвенций в сфере защиты прав человека – «конвенции по защите групп» [Memela, & Maharaj, 2016]. По мнению Minas, H., права лиц, которые утратили связь со страной своего происхождения, среди которых большой процент беженцев, должны признаваться только учитывая тот факт, что они являются людьми. Их всеобщее признание и соблюдение свидетельствует о процесс трансформации общества от межгосударственного этапа развития международных отношений до этапа международного сообщества [Minas, 2016].

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что выделяют две отрасли современного международного права: международное право прав человека и международное гуманитарное право, которое также называют правом вооруженных конфликтов (то есть это право, которое применяется для защиты прав человека в мирное время, и право, применяемое во время вооруженных конфликтов) [Ekmekci, 2016].

Генезис международного нормотворчества, принятие новых документов в области прав человека приводят к тому, что международное право обогащается принципами и нормами, регулирующими права человека, гарантируя лицу право пользоваться основными правами и свободами в период вооруженных конфликтов, минимизируя бедствия, вызванные военными действиями и защищая человека от произвола и насилия. Итак, конкретное сопоставление этих двух отраслей – международного права прав человека и международного гуманитарного права – дает нам возможность утверждать, что они со своими принципами и целями являются тесно связанными [Pulla, & Rai, 2016].

Во время анализа можем сделать вывод, что многие общепризнанные права человека прямо распространяются на беженцев. К ним относятся право на жизнь, защиту от пыток и плохого обращения, право на гражданство, право на свободу передвижения, право покинуть любую страну, в том числе свою, и возвращаться в свою страну, право не подвергаться принудительному возвращению [Matheis, 2016].

Эти права наряду с другими гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами в отношении всех лиц (как граждан, так и не граждан) закрепляются во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, которые вместе составляют Международный билль о правах человека. Так, в этих документах указывается [Antonipillai, Baumann, Hunter, Wahoush, & O'Shea, 2016]:

- «Никто не может подвергаться произвольному аресту, задержанию или изгнанию» (ст. 9 Всеобщей декларации прав человека);

- «Каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем» (ст. 14 Всеобщей декларации прав человека);

- «Каждый человек имеет право на гражданство» (ст. 15 Всеобщей декларации прав

человека);

- «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства. Каждый человек имеет право покидать любую страну, в том числе собственную, и возвращаться в свою страну» (ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Подчеркнем, что не все важные права беженцев конкретно упоминаются в Международном билле о правах человека [Международный биллютень]. Центральным элементом международной защиты беженцев является право не подвергаться принудительному возвращению или высылке в ситуации, в которой может быть поставлена под угрозу чья-либо жизнь или свобода. Это так называемый принцип запрещения принудительного возвращения, который закрепляется в ст. 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [States Parties to the, 1951]

Принцип запрещения принудительного возвращения имел дальнейшее развитие в ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, что унижают достоинство, видов обращения и наказания, в которой провозглашено: «Ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать (refouler) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может там угрожать применение пыток» (п. 1). Кроме того, «для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все обстоятельства, которые касаются дела, в том числе в соответствующих случаях существование в данном государстве постоянной практики грубых и массовых нарушений прав человека» (п. 2).

В настоящее время актуальным вопросом является миграционная политика в отношении беженцев, их состояние в правовом измерении украинского законодательства. Беженцы, и в целом вынужденные мигранты, не являются новым явлением для ЕС и США [Tan, Spiegel, Haskew, & Greenough, 2016]. Сегодня, когда Казахстан переживает сложное время в борьбе за свою неприкосновенность, политическую нестабильность, сомнительными остаются нормы национального законодательства относительно определения понятия «беженец». Кроме того, регулярный пересмотр законодательных актов в этой сфере, большое количество подзаконных актов также свидетельствует о важности этой темы, внимании государства к ней, постоянный контроль, совершенствование законодательства, гармонизации с европейским законодательством [Kirkwood, Goodman, McVittie, & McKinlay, 2016].

Провозглашения страны независимым, суверенным государством дает толчок к значительным изменениям в обществе. Однако трансформации происходили не только в государствах бывшего СССР. Современный мир становится все более конфронтационным, конфликтным, увеличивается число войн, что приводит к значительному росту миграционных потоков [Seeberg, 2016]. Так, в некоторых странах Европы наблюдались бурные политические процессы, которые заставили граждан этих стран искать убежища и защиты в других государствах. Появление такой незащищенной категории лиц существенно влияет на состояние экономического, культурного и социального развития общества и требует особого правового регулирования. Именно поэтому вопросы, связанные с этим явлением, постоянно находятся в поле зрения не только международных гуманитарных организаций, но и правительств многих стран, в том числе казахстанского [Harvey, 2016].

Правительства обычно гарантируют основные права человека и физическую безопасность их гражданам. Однако, когда гражданские лица становятся беженцами, эта сеть безопасности исчезает. Главной ролью УВКБ ООН в поддержании международной защиты является обеспечение, чтобы государства понимали и действовали согласно собственным обязательствам

защищать беженцев и людей, ищущих убежища. Однако оно не является наднациональной организацией и не может считаться заменой правительственной ответственности. Государства не могут ни принудительно возвращать беженцев на территорию, где их ждет опасность, ни оказывать предпочтение определенной группе беженцев [Groen, Richters, Laban, & Devillé, 2017].

Беженец имеет право на безопасное убежище. Однако международная защита включает больше, чем физическую безопасность. Беженцы должны получить как минимум такие же права и базовую помощь, как и другой иностранец, который легально проживает, включая свободу мнений, передвижения и свободу от пыток и унижительного обращения. Экономические и социальные права одинаково применяются. Беженцы должны иметь доступ к получению медицинской помощи, обучение и право на труд [Ao, Shetty, Sivilli, Blanton, Ellis, Geltman, Lopes Cardozo, 2016].

При определенных обстоятельствах, когда соответствующие правительственные ресурсы не доступны немедленно, в том числе неожиданное прибытие большого количества перемещенных людей, УВКБ ООН и другие международные организации оказывают помощь, такую как денежные гранты, еду, инструменты и приют, школы и больницы. С помощью проектов содействия занятости и развития навыков УВКБ ООН делает все усилия для скорейшего обеспечения самообеспечения беженцев [Tau, Rees, Chen, Kareth, & Silove, 2016].

В то же время ежегодно, по данным казахстанских и международных организаций, около 1500-2000 человек – граждан других стран или лиц без гражданства, просят об убежище уже на территории ЕС. Они утверждают, что опасаются преследований на родине, или же бегут от войны и насилия. Однако до сих пор судьба большинства из них складывалась тяжело: несмотря на то, что все страны бывшего СССР являются страной-участницей Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев и Протокола к этой Конвенции 1967 г., и взяли на себя обязательства предоставлять убежище – подавляющее большинство из тех, кто просил о защите на землях стран бывшего СССР, не получили его. На данный момент, среди всех жителей страны, менее 3000 человек имеют статус беженца, предоставленный в свое время государством. Другие же получили отказ [Josipović, 2016].

Однако, к сожалению, слово «беженец» появилось сейчас в повседневном обращении, прежде всего, не через тех, кого законодательство определяет «беженцами», а из-за жителей, которые вынуждены выехать из оккупированных или опасных территорий в более спокойные регионы (и кого правильнее определять как «вынужденных переселенцев» или же «внутренне перемещенных лиц»), Военные действия например имеют социальные последствия, которые привели к большому количеству внутреннего перемещения лиц и нарушений прав человека. Таких граждан сейчас называют вынужденными переселенцами, что подчеркивает мотивы их перемещения – они вынуждены покинуть свои дома, чтобы сохранить собственную жизнь и жизни близких, чтобы избежать насилия и политически мотивированного преследования за свои убеждения [BenDavid-Nadar, 2017].

По подсчетам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в Казахстане проживает 2500 беженцев. Еще около 6-7 тысяч человек ищут убежища. Политическая нестабильность и национальные настроения заставили покинуть свои дома десятки тысяч жителей. Об этом говорится в докладе УВКБ ООН. «По состоянию на 18 мая 2017 г. УВКБ ООН владеет информацией о более 38 000 перемещенных лиц в Казахстане после распада СССР. Среди них большинство составляют дети, женщины, старики. Эта категория лиц требует особого внимания со стороны государственных органов и гражданского общества», – отмечает

УВКБ ООН.

Для четкого понимания юридического статуса беженца и вынужденного переселенца необходимо отделить два понятия «беженцы» и «вынужденные переселенцы». Между этими категориями лиц есть существенные различия, но и много схожих черт. Беженец – тоже является вынужденным переселенцем, но особой категории (имеет место изменение территории государства) [Altemeyer-Bartscher, Holtemöller, Lindner, Schmalzbauer, & Zeddies, 2016].

От беженцев вынужденных переселенцев отличает то, что они являются следствием действия собственного государства. В деле с вынужденными переселенцами может иметь место большой разрыв между определенным действием и временем. По вопросам беженцев и вынужденных переселенцев возникают определенные материально-правовые вопросы, решение которых возложено на международное частное право [Ammar, Radi, & El-Jardali, 2016].

Проблема беженцев является вопросом номер один почти во всех государствах мира. Это явление получило свое распространение после второй мировой войны. В 1950 году начал функционировать отдел Верховного комиссара по делам беженцев (Казахстан сотрудничает с организацией, но к уставной Конвенции не присоединился). В 1951 году принята Конвенция ООН о статусе беженцев. В 1968 году – специальный Протокол к этой Конвенции. Казахстан является участником Протокола и Конвенции с января 2002 г. По конвенции беженец имеет национальный характер (статус пребывания), так как данная конвенция решает два коллизионных вопроса. К первому коллизионному вопросу относятся следующие положения :

- если беженец будет в одном из государств своих гражданств, тогда он «становится» гражданином этой страны пребывания и пользуется национальным режимом;
- если беженец бежал в третье государство, гражданство которого не имеет. Тогда действует принцип эффективного гражданства – беженец сам выбирает гражданством какой именно страны, из всех своих гражданств, он будет пользоваться. Тогда к нему применяются коллизионные привязки с той страной. Ко второму коллизионному вопросу относятся: беженцы особенно пользуются теми правами, которые они приобрели в государстве, из которого они сбежали до того, как стали беженцами, (брачные отношения, права собственности и связанные с ним права. Обязательства, например, платить алименты.)

В мировой практике лицом, которое нуждается в дополнительной защите, является лицо, которое не является беженцем в смысле Женевской конвенции, однако нуждается в защите согласно внутреннему законодательству [García-Zamor, 2017]. При этом в действующем законе содержится позорная норма о том, что право на защиту имеют только лица, которые являются выходцами из страны, имеющей общую границу с Казахстаном. Трудно понять, чем руководствовался законодатель, возможно, ошибочными представлениями о дополнительной нагрузке на бюджет, которая на самом деле превращается в дополнительные поступления при грамотной интеграционной политике. Однако в любом случае экономические расчеты были поставлены выше базовых прав человека [Vindbjerg, Carlsson, Mortensen, Elklit, & Makransky, 2016].

Со вступлением закона в силу эти положения приводятся в соответствие с мировой практикой, и выходец из любой страны имеет право получить защиту. Кроме того, значительно расширены условия, при которых предоставляется этот статус. Если раньше необходимым условием было наличие непосредственной прямой угрозы жизни или здоровью, то есть закон ориентировался на Международный пакт о гражданских и политических правах и Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, то теперь достаточно будет, чтобы имела место непрямая угроза,

которая априори существует в условиях вооруженного конфликта или систематического нарушения прав человека [Arnold-Fernandez, 2016].

В законе понятие «лиц, которые побрезгуют дополнительной защитой» ориентировано на тех, кто защищен международным гуманитарным правом в широком смысле, а не только отдельными международными договорами. Таким образом, с принятием этих изменений механизмы защиты прав человека значительно усовершенствуются [Jaworsky, 2016].

Правовой статус беженцев и лиц, которые приравниваются к ним на сегодня является не устойчивым и противоречивым по причине политической ситуации в стране. Важным, с точки зрения международного права, является определение конкретных прав беженцев [Сох, 2016]. К ним, прежде всего, необходимо отнести право жить в безопасности, которое важнее права оставаться в собственной общине или стране при наличии там определенных угроз; право на гражданство – процесс его обретения и потери; право убежища – защита национальными правительствами лица, которое преследуется, от конкретных посягательств на его достоинство, честь, жизнь и здоровье, вследствие чего может возникнуть угроза его естественным правам; право non-refoulement (право «невысылки») – государства должны обеспечивать защиту беженцев и не возвращать на территорию, где их жизни или свободе угрожает опасность; право получения беженцами временной защиты, которое заключается в немедленном предоставлении убежища [Reim, 2016].

Заключение

Можно сделать вывод, что политическая нестабильность в стране приводит к нечетким сложившимся норм и определений таких понятий, как «беженец» и «лиц, которые нуждаются в дополнительной защите», правовое положение которых требует специального урегулирования. Беженец, который прибыл в страну, незаконно пересекшим ее границу, согласно международной системе защиты прав беженцев, прежде всего имеет право не быть высланным и получить доступ к процедуре определения статуса беженцев. Совершенствованию миграционного законодательства Казахстана должно предшествовать, прежде всего, обеспечение механизма реализации правового статуса беженцев (запрет принудительной депортации и увеличение количества пунктов временного содержания беженцев, их трудоустройства, обучения языку и др.) [Lülf, 2016]. Необходимо объединить усилия ученых и практических работников для разработки таких направлений государственной политики, которые бы обеспечили эффективное регулирование миграционных процессов в соответствии с экономическими возможностями страны. Для этого необходимо обратиться к опыту европейских стран, для решения вопросов, связанных с допуском граждан других государств на временное или постоянное проживание, применять такое ограничительное средство, как ежегодные квоты на прием беженцев и другие механизмы регулирования миграционных процессов.

Библиография

1. Weaver, H. N. (2016). Between a Rock and a Hard place: a Trauma-Informed Approach to Documenting the Traumatic Experiences of Tamil Refugees. *Journal of Human Rights and Social Work*, 1(3), 120-130. doi:10.1007/s41134-016-0013-0
2. Vindbjerg, E., Carlsson, J., Mortensen, E. L., Elklit, A., & Makransky, G. (2016). The latent structure of post-traumatic stress disorder among Arabic-speaking refugees receiving psychiatric treatment in Denmark. *BMC Psychiatry*, 16(1), 309. doi:10.1186/s12888-016-0936-0

3. Jaworsky, B. N. (2016). *Evaluating Values The Boundaries of Belonging: Online Work of Immigration-Related Social Movement Organizations* (pp. 171-225). Cham: Springer International Publishing.
4. Arnold-Fernandez, E. (2016). Making Human Rights a Reality for Refugee Children: A Prerequisite to Local Integration as a Durable Solution. In M. O. Ensor & E. M. Goździak (Eds.), *Children and Forced Migration: Durable Solutions During Transient Years* (pp. 235-255). Cham: Springer International Publishing.
5. Ammar, W., Radi, A., & El-Jardali, F. (2016). Comments on the article: "Syrian refugees in Lebanon: the search for universal health coverage". *Conflict and Health*, 10(1), 22. doi:10.1186/s13031-016-0090-9
6. Tan, T. M., Spiegel, P., Haskew, C., & Greenough, P. G. (2016). Does spending on refugees make a difference? A cross-sectional study of the association between refugee program spending and health outcomes in 70 sites in 17 countries. *Conflict and Health*, 10(1), 28. doi:10.1186/s13031-016-0095-4
7. Seeberg, M. L. (2016). Child Refugees and National Boundaries. In M. L. Seeberg & E. M. Goździak (Eds.), *Contested Childhoods: Growing up in Migrancy: Migration, Governance, Identities* (pp. 43-59). Cham: Springer International Publishing.
8. Peim, N. (2016). 'We Refugees': Biopower, Cosmopolitanism and Hospitality, Between Camps and Encampments. In M. Papastephanou (Ed.), *Cosmopolitanism: Educational, Philosophical and Historical Perspectives* (pp. 187-199). Cham: Springer International Publishing.
9. Groen, S. P. N., Richters, A., Laban, C. J., & Devillé, W. L. J. M. (2017). Cultural Identity Among Afghan and Iraqi Traumatized Refugees: Towards a Conceptual Framework for Mental Health Care Professionals. *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 1-23. doi:10.1007/s11013-016-9514-7
10. Kivilcim, Z. (2016). Legal Violence Against Syrian Female Refugees in Turkey. *Feminist Legal Studies*, 24(2), 193-214. doi:10.1007/s10691-016-9323-y
11. Hassouri, P. (2017). Challenging established categories and exploring intersections. In A. Jünemann, N. Scherer, & N. Fromm (Eds.), *Fortress Europe? Challenges and Failures of Migration and Asylum Policies* (pp. 11-22). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
12. Lülfi, C. (2016). Non-refoulement in International Refugee Law, Human Rights Law and Asylum Laws. In H.-J. Heintze & P. Thielböcker (Eds.), *From Cold War to Cyber War: The Evolution of the International Law of Peace and Armed Conflict over the last 25 Years* (pp. 167-186). Cham: Springer International Publishing.
13. Memela, S., & Maharaj, B. (2016). Challenges Facing Refugee Women. A Critical Review. In J. Domínguez-Mujica (Ed.), *Global Change and Human Mobility* (pp. 53-72). Singapore: Springer Singapore.
14. BenDavid-Hadar, I. (2017). Human Rights Education: Refugees and Asylum Seekers' Right to Education. In J. Zajda & S. Ozdowski (Eds.), *Globalisation, Human Rights Education and Reforms* (pp. 221-237). Dordrecht: Springer Netherlands.
15. Minas, H. (2016). Mental Health and Cardiovascular Disease Risk in Refugees. In M. E. Alvarenga & D. Byrne (Eds.), *Handbook of Psychocardiology* (pp. 713-725). Singapore: Springer Singapore.
16. Международный биллютень о правах человека. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml
17. States Parties to the 1951 Convention relating to the Status of Refugees and the 1967 Protocol. <http://www.unhcr.org/3b73b0d63.html>
18. Antonipillai, V., Baumann, A., Hunter, A., Wahoush, O., & O'Shea, T. (2016). Health Inequity and "Restoring Fairness" Through the Canadian Refugee Health Policy Reforms: A Literature Review. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 1-11. doi:10.1007/s10903-016-0486-z
19. Ao, T., Shetty, S., Sivilli, T., Blanton, C., Ellis, H., Geltman, P. L., . . . Lopes Cardozo, B. (2016). Suicidal Ideation and Mental Health of Bhutanese Refugees in the United States. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 18(4), 828-835. doi:10.1007/s10903-015-0325-7
20. Ekmekci, P. E. (2016). Syrian Refugees, Health and Migration Legislation in Turkey. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 1-8. doi:10.1007/s10903-016-0405-3
21. Matheis, C. (2016). Refuge and Refusal: Credibility Assessment, Status Determination and Making It Feasible for Refugees to Say "No". In H. Bauder & C. Matheis (Eds.), *Migration Policy and Practice: Interventions and Solutions* (pp. 17-35). New York: Palgrave Macmillan US.
22. Kirkwood, S., Goodman, S., McVittie, C., & McKinlay, A. (2016). Policy and Research on Refugees and Asylum-Seekers The Language of Asylum: Refugees and Discourse (pp. 7-23). London: Palgrave Macmillan UK.
23. Josipović, T. (2016). The Role of Human Rights and Fundamental Freedoms for the Development of Croatian Private Law. In V. Trstenjak & P. Weingerl (Eds.), *The Influence of Human Rights and Basic Rights in Private Law* (pp. 199-246). Cham: Springer International Publishing.
24. Altemeyer-Bartscher, M., Holtemöller, O., Lindner, A., Schmalzbauer, A., & Zeddies, G. (2016). On the Distribution of Refugees in the EU. *Intereconomics*, 51(4), 220-228. doi:10.1007/s10272-016-0606-y (данные экстраполированы)
25. Pulla, V., & Rai, D. (2016). Resettlement Perspectives of Bhutanese Refugees: A Place Called Home with a Future. In V. Pulla (Ed.), *The Lhotsampa People of Bhutan: Resilience and Survival* (pp. 79-93). New York: Palgrave Macmillan US.
26. Garcia-Zamor, J.-C. (2017). The Global Wave of Refugees and Migrants: Complex Challenges for European Policy

- Makers. Public Organization Review, 1-14. doi:10.1007/s11115-016-0371-1
27. Harvey, A. (2016). 'Omnibus liberis hominibus': The Rights of Refugees, Migrants and Exiles. In E. Gibson-Morgan & A. Chommeloux (Eds.), *The Rights and Aspirations of the Magna Carta* (pp. 109-136). Cham: Springer International Publishing.
28. Cox, E. (2016). The Politics of Innocence in Contemporary Theatre about Refugees. In S. Adiseshiah & L. LePage (Eds.), *Twenty-First Century Drama: What Happens Now* (pp. 213-235). London: Palgrave Macmillan UK.
29. Tay, A. K., Rees, S., Chen, J., Kareth, M., & Silove, D. (2016). Factorial structure of complicated grief: associations with loss-related traumatic events and psychosocial impacts of mass conflict amongst West Papuan refugees. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 51(3), 395-406. doi:10.1007/s00127-015-1099-x

Disposition of the formation of political conditions for social development

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of production and financial management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Fanis V. Gabbasov

Specialist-expert,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gabbasov76@mail.ru

Anatolii N. Pashkun

Specialist-expert,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Pashkun@mail.ru

Abstract

International refugee law aims to ensure the humane treatment of groups of people who are the most vulnerable. That is why it is quite closely linked to international human rights law, whose task is to preserve the dignity and well-being of everyone. The proportion of human-oriented norms in international law is steadily increasing. These norms are based on the principle of respect for human rights and fundamental freedoms, which presupposes their universal significance:

- promotion of the rights and fundamental freedoms of all people without discrimination;
- involving all States in appropriate actions to ensure these rights;
- ensuring fundamental rights and freedoms both in normal life situations and in situations of emergency or during armed conflicts.

International law for the protection of human rights and fundamental freedoms (or international human rights law and international humanitarian law are different branches of modern international law.

The concept of "refugees" first appeared in international law during the Second world war .

Post-war armed conflicts and other emergency situations have caused and are causing the mass movement of persons from regions of permanent residence to others, causing the need for special international legal regulation of the status of refugees, displaced persons and internally displaced persons.

For citation

Zabaikin Yu.V., Gabbasov F.V., Pashkun A.N. (2019) *Dispozitsiya formirovaniya politicheskikh uslovii sotsial'nogo razvitiya* [Disposition of the formation of political conditions for social development]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (4B), pp. 174-184.

Keywords

Armed conflicts, human rights, status, humanitarian law.

References

- Weaver, H. N. (2016). Between a Rock and a Hard place: a Trauma-Informed Approach to Documenting the Traumatic Experiences of Tamil Refugees. *Journal of Human Rights and Social Work*, 1(3), 120-130. doi:10.1007/s41134-016-0013-0
- Vindbjerg, E., Carlsson, J., Mortensen, E. L., Elklit, A., & Makransky, G. (2016). The latent structure of post-traumatic stress disorder among Arabic-speaking refugees receiving psychiatric treatment in Denmark. *BMC Psychiatry*, 16(1), 309. doi:10.1186/s12888-016-0936-0
- Jaworsky, B. N. (2016). *Evaluating Values The Boundaries of Belonging: Online Work of Immigration-Related Social Movement Organizations* (pp. 171-225). Cham: Springer International Publishing.
- Arnold-Fernandez, E. (2016). Making Human Rights a Reality for Refugee Children: A Prerequisite to Local Integration as a Durable Solution. In M. O. Ensor & E. M. Goździak (Eds.), *Children and Forced Migration: Durable Solutions During Transient Years* (pp. 235-255). Cham: Springer International Publishing.
- Ammar, W., Radi, A., & El-Jardali, F. (2016). Comments on the article: "Syrian refugees in Lebanon: the search for universal health coverage". *Conflict and Health*, 10(1), 22. doi:10.1186/s13031-016-0090-9
- Tan, T. M., Spiegel, P., Haskew, C., & Greenough, P. G. (2016). Does spending on refugees make a difference? A cross-sectional study of the association between refugee program spending and health outcomes in 70 sites in 17 countries. *Conflict and Health*, 10(1), 28. doi:10.1186/s13031-016-0095-4
- Seeberg, M. L. (2016). Child Refugees and National Boundaries. In M. L. Seeberg & E. M. Goździak (Eds.), *Contested Childhoods: Growing up in Migrancy: Migration, Governance, Identities* (pp. 43-59). Cham: Springer International Publishing.
- Peim, N. (2016). 'We Refugees': Biopower, Cosmopolitanism and Hospitality, Between Camps and Encampments. In M. Papastephanou (Ed.), *Cosmopolitanism: Educational, Philosophical and Historical Perspectives* (pp. 187-199). Cham: Springer International Publishing.
- Groen, S. P. N., Richters, A., Laban, C. J., & Devillé, W. L. J. M. (2017). Cultural Identity Among Afghan and Iraqi Traumatized Refugees: Towards a Conceptual Framework for Mental Health Care Professionals. *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 1-23. doi:10.1007/s11013-016-9514-7
- Kivilcim, Z. (2016). Legal Violence Against Syrian Female Refugees in Turkey. *Feminist Legal Studies*, 24(2), 193-214. doi:10.1007/s10691-016-9323-y
- Hassouri, P. (2017). Challenging established categories and exploring intersections. In A. Jünemann, N. Scherer, & N. Fromm (Eds.), *Fortress Europe? Challenges and Failures of Migration and Asylum Policies* (pp. 11-22). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
- Lülf, C. (2016). Non-refoulement in International Refugee Law, Human Rights Law and Asylum Laws. In H.-J. Heintze & P. Thielbörger (Eds.), *From Cold War to Cyber War: The Evolution of the International Law of Peace and Armed Conflict over the last 25 Years* (pp. 167-186). Cham: Springer International Publishing.
- Memela, S., & Maharaj, B. (2016). Challenges Facing Refugee Women. A Critical Review. In J. Domínguez-Mujica (Ed.), *Global Change and Human Mobility* (pp. 53-72). Singapore: Springer Singapore.
- BenDavid-Hadar, I. (2017). Human Rights Education: Refugees and Asylum Seekers' Right to Education. In J. Zajda & S. Ozdowski (Eds.), *Globalisation, Human Rights Education and Reforms* (pp. 221-237). Dordrecht: Springer Netherlands.
- Minas, H. (2016). Mental Health and Cardiovascular Disease Risk in Refugees. In M. E. Alvarenga & D. Byrne (Eds.),

- Handbook of Psychocardiology (pp. 713-725). Singapore: Springer Singapore.
16. Международный биллютень о правах человека. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml
 17. States Parties to the 1951 Convention relating to the Status of Refugees and the 1967 Protocol. <http://www.unhcr.org/3b73b0d63.html>
 18. Antonipillai, V., Baumann, A., Hunter, A., Wahoush, O., & O'Shea, T. (2016). Health Inequity and "Restoring Fairness" Through the Canadian Refugee Health Policy Reforms: A Literature Review. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 1-11. doi:10.1007/s10903-016-0486-z
 19. Ao, T., Shetty, S., Sivilli, T., Blanton, C., Ellis, H., Geltman, P. L., . . . Lopes Cardozo, B. (2016). Suicidal Ideation and Mental Health of Bhutanese Refugees in the United States. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 18(4), 828-835. doi:10.1007/s10903-015-0325-7
 20. Ekmekci, P. E. (2016). Syrian Refugees, Health and Migration Legislation in Turkey. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 1-8. doi:10.1007/s10903-016-0405-3
 21. Matheis, C. (2016). Refuge and Refusal: Credibility Assessment, Status Determination and Making It Feasible for Refugees to Say "No". In H. Bauder & C. Matheis (Eds.), *Migration Policy and Practice: Interventions and Solutions* (pp. 17-35). New York: Palgrave Macmillan US.
 22. Kirkwood, S., Goodman, S., McVittie, C., & McKinlay, A. (2016). Policy and Research on Refugees and Asylum-Seekers *The Language of Asylum: Refugees and Discourse* (pp. 7-23). London: Palgrave Macmillan UK.
 23. Josipović, T. (2016). The Role of Human Rights and Fundamental Freedoms for the Development of Croatian Private Law. In V. Trstenjak & P. Weingerl (Eds.), *The Influence of Human Rights and Basic Rights in Private Law* (pp. 199-246). Cham: Springer International Publishing.
 24. Altemeyer-Bartscher, M., Holtemöller, O., Lindner, A., Schmalzbauer, A., & Zeddies, G. (2016). On the Distribution of Refugees in the EU. *Intereconomics*, 51(4), 220-228. doi:10.1007/s10272-016-0606-y (данные экстраполированы)
 25. Pulla, V., & Rai, D. (2016). Resettlement Perspectives of Bhutanese Refugees: A Place Called Home with a Future. In V. Pulla (Ed.), *The Lhotsampa People of Bhutan: Resilience and Survival* (pp. 79-93). New York: Palgrave Macmillan US.
 26. Garcia-Zamor, J.-C. (2017). The Global Wave of Refugees and Migrants: Complex Challenges for European Policy Makers. *Public Organization Review*, 1-14. doi:10.1007/s11115-016-0371-1
 27. Harvey, A. (2016). 'Omnibus liberis hominibus': The Rights of Refugees, Migrants and Exiles. In E. Gibson-Morgan & A. Chommeloux (Eds.), *The Rights and Aspirations of the Magna Carta* (pp. 109-136). Cham: Springer International Publishing.
 28. Cox, E. (2016). The Politics of Innocence in Contemporary Theatre about Refugees. In S. Adiseshiah & L. LePage (Eds.), *Twenty-First Century Drama: What Happens Now* (pp. 213-235). London: Palgrave Macmillan UK.
 29. Tay, A. K., Rees, S., Chen, J., Kareth, M., & Silove, D. (2016). Factorial structure of complicated grief: associations with loss-related traumatic events and psychosocial impacts of mass conflict amongst West Papuan refugees. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 51(3), 395-406. doi:10.1007/s00127-015-1099-x